

Магомед Абдулкаримович
ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ

Магомед Абдулкаримович Переосмысление

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6986512

Переосмысление / Магомед Абдулкаримович: Издать Книгу; Москва;

2014

ISBN 9781310941924

Аннотация

Сегодня она приходила ко мне во сне. Она стояла близко за моей спиной, и я почувствовал, как прядь ее волос коснулась моей щеки. Непроизвольно вздрогнув, я открыл глаза. На мгновение почудился аромат ее присутствия, тут же растворившийся в темной скорлупе комнаты. Приподняв голову с жесткой спинки дивана, я сел в напряженной позе и увидел, как на экране телевизора бесшумно корчили рожи герои известного мультфильма. Мерцающие ядовитой зеленью цифры будильника показывали пять минут первого ночи. Шея затекла и болела, как от удара бейсбольной битой, несмотря на то, что дремал я всего минут двадцать.

Содержание

Чашка прекрасного кофе	4
Волшебный парк	15
Четыре дня	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Магомед Абдулкаримович

Переосмысление

Чашка прекрасного кофе

Старенький Боинг 737–400 начало заметно трясти, когда он попал в зону турбулентности минут через пятнадцать после взлета в Мадхол Смит. Этот городок был последним, где самолет садился по пути из Сиэтла в Анкоридж. Алекс сидел у иллюминатора в четвертом ряду. Купив позавчера билет на Аляску, он сделал это во имя своей мечты, сбыться которой уже ничто не сможет помешать. Мысли его находились в приятных раздумьях о предстоящей встрече с друзьями, когда сзади него раздался сдавленный крик. Алекс хотел было обернуться, но через мгновение понял, что этого делать не стоит.

– Что ты наделала, руки у тебя кривые, ты же стерла мою любимую игру, – говорил плаксивым тоном парень, сидящий в пятом ряду.

В ответ слышался взволнованный женский шепот; похоже, что его матери:

- Стэнли, не кричи, я же не специально, так получилось.
- Говорил я тебе, что звонить в самолете нельзя. Ну зачем

я тебе дал свой смартфон. Чего ты жмешь на все кнопки, чем я теперь в этой глухомани буду три дня заниматься? Беседовать с твоим тупым братцем-деревенщиной?

– Стэн, я хотела позвонить в больницу, ты же знаешь, что у папы тяжелое состояние, – малодушно объяснял женский голос.

– Плевать, – расходился все больше юнец, – за ним врачи присматривают. Чего твой звонок дал бы? Твои услуги по реанимации не требовались. Головой думать надо, когда не понимаешь, куда жмешь.

– Как ты можешь так говорить, – раздалась всхлипывания, мать заплакала.

Было слышно, как сын недовольно засопел, бормоча что-то себе под нос.

Алекс надел наушники и включил персональный экран бортовой развлекательной системы, вмонтированный в стоящее впереди кресло. Транслировали концовку какого-то ток-шоу. Молодящаяся ведущая с накачанными губами и дряблыми веками заинтересованно спрашивала у сидящего в центре студии невероятно толстого молодого мужчины:

– Что же вы тогда сделали?

– Вскрыл себе вены.

– То есть так вы решили показать окружающим свою яркую индивидуальность?

– Разумеется.

Сидящие в студии зрители стали бешено аплодировать и

что-то кричать. Когда шум смолк, ведущая программы поинтересовалась:

– А вы не пробовали заявить о себе другим способом? Ну, например, добиться чего-нибудь в спорте, заняться каким-нибудь особенным хобби или выучить пару иностранных языков?

– Я не хочу быть серостью, как все. Ведь очень многие могут быть чемпионами, самыми умными или чересчур умелыми. Это устарело и не модно, на мой взгляд. Мне интересно изучать интернет.

– Изучать интернет?

– Ну, не совсем так. Когда я в социальных сетях представляюсь другим именем, говорю о своих несуществующих достоинствах – мне интересно, как реагируют на это простаки. Я изучаю их поведение 24 часа в сутки.

– Зачем?

– А что такого?

Бред какой-то, – подумал Алекс, с недоумением отметив что, развалившись вальяжно в кресле, это бесформенное существо всем своим видом стремилось показать свою значимость; в глазах существа светилась гордость, видимо, от того, что его пригласили на телевидение. Неужели это сейчас кто-то смотрит, кроме меня? – подумалось Алексу. В этот момент стюардесса объявила пассажирам о необходимости пристегнуть ремни и подготовиться к посадке.

На выходе из зоны получения багажа Алекс обратил вни-

мание на служащего аэропорта, пытавшегося успокоить размахивающего руками пассажира, который требовал вернуть ему якобы редкий номер журнала «Плейбой», который он забыл на скамейке VIP-зала, откуда журнал потом исчез.

– Вы что думаете, я не буду жаловаться по такому, как вы говорите, пустяку? Буду, и еще как! Это дело принципа. Вы должны следить за порядком.

– Успокойтесь, пока вы отлучались за кофе, ваш журнал мог взять кто угодно. Мы спросим у технического персонала.

– Не оправдывайтесь, бесполезно. Позовите начальника! Скоро у вас здесь людей резать начнут, а вы не заметите. Позовите начальника!

– Мы вернем вам деньги за журнал, успокойтесь, пожалуйста, – тихо увещевал служащий, – покрасневший и смущенный от привлеченного к себе внимания собравшихся зевак.

– Я что, на деньги буду смотреть в отеле?! Вы у меня узнаете, как нужно работать, – продолжал вопить человек, – Америка мне гарантирует права... вы мне обязаны.

Миновав зал ожидания, Алекс пересек линию входных дверей и с удивлением увидел перед собой пустую стоянку такси. Тут же к нему подбежал сотрудник службы безопасности:

– Прошу простить, у нас тут небольшая авария, водопровод перемерз, стоянку временно перенесли вон туда, – и показал рукой влево, где примерно в ста метрах виднелся оди-

ноко припаркованный желтый минивэн.

– Давайте я вас провожу, – предложил охранник.

– Нет, нет, спасибо, помощь не нужна, – Алекс широко улыбнулся, поправил висящую на плече сумку и двинулся в сторону минивэна. Друзья должны были подъехать в Анкоридж завтра, поэтому Алексу некуда было спешить. Он медленно двигался по засыпанной снежинками пешеходной зоне, и ему без особой причины было очень хорошо.

Боковая дверь минивэна была распахнута. Рядом с ней стоял водитель, в салоне сидело несколько человек. Как понял Алекс, все они ожидали отправки в город; за исключением одного, который требовал от водителя подвезти его к входу в аэропорт.

– Вы должны доставить меня к дверям аэропорта, – громогласно заявлял он, – везите, или я не буду вам платить.

– Ну, сколько раз говорить, я не могу это сделать, – водитель устало оперся плечом на кузов автомобиля, – ну авария там, проезд закрыт, вам всего три минуты нужно пройти пешком.

– Пешком?! С чемоданом! По такому морозу! Везите меня, черт побери! Иначе не заплачу вам ни цента.

– Господи, – сдался таксист, – да не нужно, идите, ради Бога.

Возмущенный пассажир, протискиваясь вдоль кресел, больно двинул Алекса чемоданом в плечо и выскочил на асфальт. Алекс поморщился, потер плечо и улыбнулся окру-

жающим, те понимающе ответили ему тем же.

На половине пути, когда до города оставалось около трех километров, Алекс попросил водителя остановиться. Здесь у него был забронирован номер в гостинице, куда завтра должны подъехать Дэниел, Кёртис и Кевин с Джессикой. Выбравшись из машины возле отеля, Алекс почувствовал, что боль в плече усилилась.

– Пожалуй, мне стоит привести себя в порядок, – подумал Алекс, – нужно купить что-нибудь обезболивающее, а то подведу ребят, вот это будет совсем некстати.

В холле отеля ему не составило труда найти стеклянный павильончик с надписью «Аптека» над дверью. Внутри, у кассы, стояло человека четыре. На Алекса никто не обратил внимания, когда он пристроился в конец очереди. Всех («всех» с большой буквы) занимал затянувшийся разговор между фармацевтом и молодой женщиной, стоявшей впереди.

– Как вы можете говорить, что аспирин это не жизненно важное лекарство. Вы хотите, чтобы мой муж умер?! – наступала женщина.

– Мэм, я этого не говорил. Простите, пожалуйста, что заставляем вас ждать, буквально через пять минут мой помощник принесет со склада то, что вы просите.

– Пять минут?! У моего мужа температура тридцать семь градусов, в вашем захолустье это смертельно опасно. Тут, наверное, и докторов-то приличных нет, не то что аспирин.

– Простите, мэм, – вынужден был опять извиняться фармацевт, – ради Бога, простите, видите ли, основные покупатели у нас – это туристы, многие непривычны к нашему климату, аспирин раскупают мгновенно. Это наша вина, мы не уследили, что он закончился, но на складе его достаточно. Подождите минутку.

– Я не должна ждать! – взвизгнула женщина, – мужу уже совсем плохо; когда я уходила из номера, он горел как раскаленная печь. Я подам на вас в суд!

Лицо женщины вспыхнуло от негодования, и неизвестно, чем бы все кончилось, если бы в отдел не влетел помощник с коробкой, аккуратно уставленной пластиковыми бутылочками с таблетками аспирина.

– Пожалуйста, мэм, возьмите, всего три минуты мы заставили ждать, приносим вам глубочайшие извинения.

– Извиняться будете в суде! – не останавливалась та, и вызывающе добавила – мой муж известный адвокат! – презрительно взглянув на окружающих. – Мы больше никогда не приедем в эту дыру.

Алекс услышал лишь часть этой перепалки. Открыв бумажник, он стал разглядывать вложенное в него старое фото, на котором он был изображен с друзьями по колледжу в туристическом походе – все молодые, здоровые и веселые. Когда он поднял голову – перед ним уже никого не было. Он купил гель от ушибов и отправился к себе в номер.

Друзья приехали в отель рано утром следующего дня. После двух часов, потраченных на выплеск эмоций от долгожданной встречи и короткий завтрак в кафетерии на третьем этаже, они спустились вниз, решив оставить часть дорожной клади в камере хранения. На выполнение этой миссии отправились Кевин и Дэн, но практически сразу возвратились обратно с багажом.

– Представьте себе, – сказал Дэн, – в камере хранения сломался кардридер, так что нам нужны наличные. Кто богат наличкой?

Пошарив по карманам, на всех набрали шесть долларов с мелочью.

– Так дело не пойдет. Этого мало, за две сумки нужно двенадцать баксов.

– Мальчики, ну а банкомат для чего? Мы хоть и далеко от Вашингтона, но вроде как в Америке, – улыбнулась Джессика.

– Точно! – воскликнул Кевин и повернулся к тому месту, где утром заметил стоящий в дальнем углу банкомат. Но в том месте, где должен был находиться аппарат, клубилась толпа подростков. По отдельным фразам, выпадающим из общего гвалта, можно было понять, что это школьники, приехавшие на экскурсию в национальный парк Катмай. Девчонки и мальчишки по очереди долго стояли у банкомата. Кто-то снимал деньги, чтобы купить сувениры у местных индейцев, которые кроме бумажных дензнаков ничего не при-

знавали, кто-то пополнял счет сотового телефона.

Друзья переглянулись и засмеялись.

– Что ж, подождем, – сказала Джессика, – и плюхнулась на сумку, – давно ли сами такими были, – и начала рассказывать, как ей недавно предложили выставить свои картины в не самой дурной, по ее словам, галерее Нью-Йорка.

Алекса отвлек от рассказа маленький щуплый человечек, который бегал вокруг детей и требовал немедленно пропустить его к аппарату. Стоявший в сторонке сопровождающий группу учитель сказал ему, что дети тоже люди, и ему стоит дождаться очереди, на что человечек начал кричать:

– Что вы несете! Я имею право, как инвалид. Чему вы учитите детей, у них нет никакого уважения к старшим, а, между прочим, ко мне должно быть особенное отношение, я инвалид!

Приглядевшись, Алекс заметил, что у человечка на левой руке, которой он прижимал к груди пакет с гамбургерами, отсутствует фаланга на мизинце. Он отвернулся.

Спустя несколько дней Алекс сидел возле альпинистского лагеря на склоне горы Мак-Кинли, разбитого на расстоянии одного перехода до ее вершины – самой высокой точки Северной Америки. Внизу – всюду, куда хватало взгляда, простиралась белоснежная пелена. Сквозь редкие прогалины меж облаков просматривались ровные участки долины, покрытой серо-зеленой травой. Он держал в руках чашечку прекрасного вкусного кофе, отпивая понемногу и насла-

ждаясь каждым глотком. Горячий кофе, много сливок, много сахара – как всегда делала ему жена. Здесь, в этом красивом месте, где морозный ветер обдавал его кожу свежестью, а кофе словно наполнял его жилы энергией, глядя на всю эту невероятную красоту, он вспоминал ее, ту, которой уже не было в живых, но которая никогда не умрет в его сердце. Они прожили прекрасную совместную жизнь, у него нет причин роптать на судьбу. Находясь в этом чудесном месте, он не испытывал ничего, кроме огромной благодарности Господу за каждое мгновение его жизни. Неожиданно для себя Алекс вдруг вспомнил все события, которые предшествовали этому моменту, людей с бесконечно мизерными и ничтожными, недостойными человека проявлениями эгоизма, тщеславия, глупости и лицемерия, и расхохотался. Все, с чем каждый день по многу раз мы сталкиваемся в жизни и принимаем как должное, здесь, наверху, Алексу показалось безумно смешным, он хохотал и не мог остановиться.

Сзади подошел Кёртис и легонько толкнул его в спину.

– Парень, у нас проблемы? Мозгу не хватает кислорода? – спросил он, улыбнувшись.

У Алекса от смеха слезы текли по щекам:

– Все в порядке, – он понемногу успокаивался, – все в порядке, просто вспомнил кое-что.

– Ну ладно, Алекс, мы все собрали и уложили. Дружище, ты готов к покорению вершины?

– Готов, – коротко ответил Алекс.

Дэниел и Кёртис с двух сторон приподняли его и усадили на стоявшее рядом инвалидное кресло, у которого вместо колес были прикреплены лыжи. Алексу было 70 лет, у него не было ног, он потерял их во время войны, но сегодня он поднимется на самую высокую точку Северной Америки.

– Вперед, друзья, – Алекс развернулся на месте в своем кресле, оттолкнувшись специально сделанными для него палками, и поднял лицо к двуглавой вершине, – вперед!

Волшебный парк

Сегодня она приходила ко мне во сне. Она стояла близко за моей спиной, и я почувствовал, как прядь ее волос коснулась моей щеки. Непроизвольно вздрогнув, я открыл глаза. На мгновение почудился аромат ее присутствия, тут же растворившийся в темной скорлупе комнаты. Приподняв голову с жесткой спинки дивана, я сел в напряженной позе и увидел, как на экране телевизора бесшумно корчили рожи герои известного мультфильма. Мерцающие ядовитой зеленой цифрой будильника показывали пять минут первого ночи. Шея затекла и болела, как от удара бейсбольной битой, несмотря на то, что дремал я всего минут двадцать.

Господи, как же я хочу с ней познакомиться. Если бы только я мог взять и пересилить свою трусость. Меня угнетал страх того, что она меня отвергнет. А если она не примет меня такого, какой я есть? Мне не хотелось быть для нее одним из многих, которых она встречает на своем пути. Этого я не желал ни в коем случае. Из-за страха того, что она не ответит мне взаимностью, я сам себе безумно надоел.

Многие люди, которые что-то слышали или знали о ней, говорили о ней с большим уважением. Я слышал много слов о ее необычности и неординарности. Но в этих рассказах я не находил ничего нового. Я и без них понимал, что она была необычной, самой необычной из всех, кого я знал. Все мои

знакомые, ходившие на свидания с ней, потом ни слова не говорили о том, как все прошло. Они ничего не рассказывали, хотя до встречи только и говорили, что о ней. Она оказывала на них какое-то невероятное воздействие. И это тоже было объяснимо. Ведь такая, как она, не может не произвести впечатления.

Многие мечтали о встрече с ней. Это было понятно. Но в отличие от меня – человека, который каждый день проходил мимо нее, восторгаясь и наслаждаясь каждой секундой этого момента и ожидая от нее повода, намека на разговор, но пока так ничего и не сделавшего ради встречи с ней – они действовали сами. Они сами предпринимали попытки познакомиться с ней. И у многих это заканчивалось успехом, она знакомилась с ними, разговаривала с ними. Они добивались от нее того, о чем я мечтал гораздо больше них, но я не хотел, чтобы наша первая встреча была такой же банальной.

Я все ждал, живя в полной уверенности, что когда-нибудь мы столкнемся. Это будет лучшим днем в моей жизни, в которой я не вижу никакого иного смысла, кроме встречи с Ней. Мысль и уверенность в нашем неизбежном знакомстве согревали мне душу и давали мне сил, чтобы прожить очередной день.

Я полюбил ее всем сердцем, с самого первого взгляда. Я помню день нашей встречи. Тогда к нам с проверкой нагрянул инспектор центрального офиса, которого по всей корпорации боялись, как огня. Мы сильно отставали от графика

ка разработки проекта компьютерной системы безопасности для секретного военного комплекса на востоке страны. Мои нервы и физические силы кончились примерно за пару недель до его прихода. Мне никак не удавалось заткнуть все дыры в файерволе, чтобы подготовить систему к испытаниям. Демоверсия сетевого экрана так и оставалась демоверсией, и я ничего не мог с этим поделать. Работа над программой по 16 часов в сутки превратила меня в зомби, которому, как тогда казалось, было уже все равно, что скажет инспектор. На время проверки ему освободили кабинет нашего шефа.

– Ты знаешь, зачем я тебя вызвал, – без вопросительной интонации, панибратски произнес он, когда я опустился в кресло напротив.

Причину я знал, но не мог сразу сообразить, что нужно ответить в данный момент, и пока раздумывал, он добавил, – Я ведь не ошибаюсь, ты здесь главный программист?

– Да.

– Сколько тебе нужно времени, чтобы закончить работу?

– Понимаете, это очень сложная система. Нельзя спешить.

– Если так, то мне придется тебя уволить, – безапелляционно ответил он и встал из-за стола, – работу закончит другой специалист. Ты свободен. Все причитающиеся деньги сможешь получить завтра.

Не найдя, что возразить, я посмотрел на него отчужденно, тоже встал и направился к выходу. В голове громыхало что-то яростное и кипящее. Тело трясло мелкой дрожью. Мне хотелось плакать от отчаяния и досады. Ему было бесполезно доказывать, что я целый год посвятил этой программе, что она насквозь изменила мою психику, что мой мозг из-за нее превратился в навозную кучу. Это мерзкое состояние нельзя было вынести. Вяло поднявшись на плоскую крышу, где в тот вечер было много народу, который что-то праздновал, я словно пьяный подошел к самому краю. Мне казалось, что столь чудовищная несправедливость подвела черту под моей жизнью, но я, как выяснилось, не был готов к последнему шагу. Краем глаза я увидел ее, стоящую метрах в пяти правее. Я чувствовал, что она смотрела на меня и, скорее всего, понимала, что я хочу сделать, но она не стала поднимать шум и не пыталась остановить меня. Я взглянул на нее, волна необыкновенного счастья и покоя обдала меня с головы до ног. Пребывая в полуобморочном состоянии, я стоял, не смея двинуться. Меня тянуло к ней, но я бесконечно боялся своего убожества. Инцидент с инспектором совершенно вылетел из головы. На долю секунды я закрыл глаза. Собравшись с духом, я открыл их, чтобы вновь взглянуть на этот идеал женской красоты, но мой взгляд уперся в стену. Она куда-то исчезла, специально искать ее в тот вечер я не решился, но с тех пор я не мог думать ни о ком, кроме нее.

Потеряв работу, я жил в постоянном стрессе, много пил,

все чаще испытывал разочарование и отрешенность от мира. Я как будто жил в двух измерениях. В одном я работал дома над пустяковыми заказами, общался со случайными знакомыми в баре и в социальных сетях, в другой – думал о ней. Она казалась мне совершенством. Со временем все мои мысли стали полностью посвящены ей.

– Я больше не могу без тебя, – злость на самого себя выплескивалась брызгами несвязного шепота, – Я больше не могу бояться. Я чувствую, что отравлен страхом настолько, что если немедленно не брошусь к тебе навстречу, то он переполнит все поры моей души, и я не решусь на это никогда. Я скоро буду».

Пребывая в окончательной уверенности, что она меня слышит и ждет, я схватил валявшиеся на полу ключи от машины, сунул их в карман и вышел из дома. Для того, чтобы убедить себя самого в правильности поступка и не изменить решение по дороге на стоянку, я старался думать только о ней. Я все же решился поехать к ней. Я знал, где ее искать.

Повинуясь сигналу с брелока, соленоид дернул тягу ручки, и замок, клацнув, отпер дверцу машины. Теперь кроме нее для меня ничто во Вселенной не имело значения. Я завел двигатель, включил передачу и вдавил в пол педаль акселератора. Я точно знал, где ее искать. Я гнал по пустынной трассе на север, к самому прекрасному существу в мире, к самой необыкновенной и понимающей, оставляя за собой тоску и запустение последних лет. Она не оттолкнет, снимет

мое бремя страданий, неудач, никогда не предаст, я был в этом уверен. Машина захлебывалась от рева, свистели бешено раскручивающиеся колеса, дальний свет фар на выбоинах бился далеко впереди яркими вспышками. Одинокие попутные автомобили, которые я обгонял впритирку, испуганно гудели вслед, но я их не слышал. Мне вспоминались те моменты, когда она была на расстоянии вытянутой руки от меня, когда я мог просто подойти к ней, заговорить и наконец-то услышать ее смех, ее голос, вечно быть рядом, но я не решался. Я был уверен, что сегодня я точно буду с ней. Все, что есть сейчас – это изогнутая, как змея, дорога, несущаяся навстречу со скоростью космического крейсера.

Но вдруг я резко нажал на тормоз. Меня внезапно объял огромной силы страх встречи с ней. Я остановил машину и долго сидел неподвижно. Что-то изменилось во мне, изменилось кардинально и бесповоротно. Спустя какое-то время я развернул свой автомобиль и поехал домой, окончательно осознав, что больше не хочу ее видеть.

Шли годы. Я нашел новую работу. Я многое переосмыслил. Я понял, каким был дураком, когда много лет назад, стоя на той крыше, хотел распрощаться с Жизнью. Она слишком хороша, чтобы бесцельно тратить свои дни, недели, годы, думая лишь о том, как бы познакомиться с той самой, которую теперь я уже не хотел видеть. Теперь я ощущал смысл своего существования абсолютно во всем, что меня окружало. Пение птиц, чистый воздух, биение моего сердца

и весь окружающий мир стали для меня причиной неопи- сываемого счастья и безграничной благодарности Господу, в кото- рого я раньше не верил. Боже, каким я был глупцом! Сколь- ко времени я потерял, сколько дней я мог посвятить своей семье, своим родителям, которых уже нет. Сколько дней, в течение которых я мог поклоняться своему Творцу и испол- нять все, предписанное Им, я потерял!

И какое счастье, что я, наконец, осознал, насколько я был слеп.

Я женился, у нас с женой родились прекрасные дети. Я прожил много счастливых дней. И как-то в один из таких дней я решил прогуляться перед сном и насладиться волшеб- ным чистым воздухом, подаренным мне, как и все осталь- ное, Всемогущим и Милостивым Господом. Он милостив ко мне, потому что дал мне время многое осознать. Он дал мне время, чтобы я понял, в чем на самом деле состоит смысл жизни и моей, и каждого человека.

В тот вечер парк, покрытый снегом, казался мне волшеб- ным. Вокруг не было ни души, я был один наедине с собой. Все в моей жизни складывалось хорошо уже многие годы. Я был уже стар по годам, но душа моя была, как мне казалось, так же молода.

Вдруг чьи-то шаги отвлекли меня от мыслей. Я обернул- ся и увидел... Ее – ту, о которой говорил с самого начала. Знает ли она, что я изменился, что я уже не хочу идти с ней? Конечно, знает.

– Здравствуй, – сказала Она.

– Здравствуй, – ответил я.

– Я – Смерть, пришедшая за тобой... Ты готов?

Долгое время я молчал. Не мог придти в себя. После я все же заговорил:

– Я благодарен, что ты решила прийти за мной сейчас. Многие годы своей жизни я ждал этого. Но тогда я не был готов. Хотя, наверно, к встрече с тобой никогда нельзя по-настоящему подготовиться – ведь ты сама решаешь, когда и за кем приходить.

И Она ответила:

– Решаю не я...

Я просто стоял и смотрел на нее. В глазах моих были слезы.

– Рад знакомству, – прошептал я, улыбнувшись.

А Она улыбнулась мне в ответ. Улыбка Ее была очень доброй.

Это обнадеживало.

Четыре дня

Мое время ограничено, а жизнь коротка, поэтому я проживу ее так, как я считаю нужным. Я буду добиваться тех целей, которые важны для меня, а не тех, которые мне навязывают другие. Я возьму все преграды, которые встретятся мне на моем тернистом пути, и превращу их в топливо для моих будущих свершений. Я буду следовать своему сердцу, я стану тем, кем хочу стать и сделаю все ради этого.

Кем я хочу стать? Дело не в том, кем я хочу стать, а в том, кто я есть и кем хочу оставаться. Ничто в этой жизни мне не интересно так, как бег.

Вот я стою в начальной точке пути, разминаясь, предвкушая тяжесть предстоящей дистанции. Вот я уже бегу, и сотни разных мыслей посещают мою голову. Пару минут назад мне казалось, что я не смогу больше пробежать ни метра, но проходит немного времени, и совершенно другое чувство окутывает меня – я легкий, я силен, я в состоянии бежать еще много часов. Вот погода меняется, начинается дождь; сначала меня это настораживает – я не был к этому готов, холодные капли падают на мое тело. Но затем все это уходит, и я получаю удовольствие от того факта, что сейчас, в 5 утра я, наверно, единственный во всей округе (а хочется думать, что и во всем городе, но черта с два!), который бежит в такую погоду. Ведь это не просто дождь, это ливень!

А я все бегу, так как была поставлена цель – пробежать 42 километра 195 метров, и что бы ни случилось, я буду бегать. Я уже давно выключил музыку, звучащую в моих наушниках, так как она уже пошла по второму кругу и ужасно мне надоела. Я просто хочу слышать звуки улиц, по которым я бегу; лай собак, которых я ненавижу; редкие звуки проезжающих мне навстречу машин. Время от времени я вытаскиваю телефон, на котором установлена программа подсчета пройденного расстояния, зло берет от того, что не могу удержаться и смотрю на телефон все чаще. Как будто от моих частых взглядов расстояние уменьшится.

Я уже не получаю никакого наслаждения от процесса, у меня очень болит спина, пот льется с лица вперемешку с каплями дождя, это мешает зрению и в результате я падаю в лужу, но тут же вскакиваю. Вновь вытаскиваю телефон, еще километр! Километр, чтоб его! Единственное, что работало в похожие моменты, это воспоминания о ногах Мухаммеда Али, о том, с какой легкостью он их передвигал в боях, когда шел уже 15-ый раунд. Но сейчас даже это не помогало, и тут в ход идет безотказный метод – сначала добежать вон до того столба, о дальнейшем не думать, потом вон еще 10 метров до того магазина, потом еще...и еще... И вот я вытаскиваю телефон, где программа указывает, что я пробежал 42 километра 193 метра...194..195.

Это был день, когда я пробежал свой первый марафон.

Меня зовут Саймон Белл. Я вырос в хорошей семье со

средним достатком. Несмотря на то, что по американским меркам ее можно было бы назвать малообеспеченной – в нашем маленьком городке, расположенном в южной части штата Техас, наша семья считалась вполне успешной и благополучной. Мой отец, Фрэнк, мускулистый худощавый мужчина, очень молодо выглядел для своих лет, имел рост около двух метров и отличался способностью быстро мыслить и принимать решения. Последняя черта характера позволяла ему в течение многих лет считаться одним из лучших пожарных в нашем округе, побеждать в различных профессиональных состязаниях и занимать ответственную должность начальника пожарного расчета. Он пользовался большим уважением окружающих. Моя мать, Мелисса Белл, была очень красивой и при этом умной женщиной, с мягким спокойным характером. После окончания университета в Далласе, где, кстати, она и познакомилась с папой, она вернулась с ним в наш городок и всю жизнь проработала учительницей английского языка в местной школе.

Я был единственным ребенком в семье, рос самостоятельным и свободным в суждениях, и если контроль со стороны родителей за моим поведением и поступками и присутствовал, то был настолько деликатным, что я его не замечал. Глядя на отцов своих одноклассников и соседей, почти все из которых работали за шесть долларов в час на заводе удобрений в километре от городка – я с юных лет знал, что, когда вырасту, обязательно уеду из этой дыры навсегда, стану кем-

то значимым. Меня не прельщала перспектива идти по стопам отца, провести жизнь среди десятка этих улиц, маленьких домишек и таких же незначительных людей, время от времени выезжая в округ на ярмарку и раз в два года проводя отпуск на каком-нибудь дешевом курорте Восточного побережья.

Моя целеустремленность питалась и росла в геометрической прогрессии благодаря двум вещам. Первой была социальная обстановка в городе. Несмотря на то, что химический завод работал стабильно и имел огромные прибыли, его владельцы периодически сокращали штат, дабы увеличить свои барыши, а выброшенные на улицу люди не только не могли найти работу, но даже не имели возможности обратиться в суд. Суда у нас в городе не было, не было и лишних денег, чтобы мотаться в соседний городок для защиты своих прав. Здесь не редкостью были пьяные драки, самоубийства, разводы и родители, бьющие своих детей. Люди попросту ломались, когда у них отбирали кусок хлеба, преждевременно отправляясь на кладбище и оставаясь там навсегда.

Второй вещью был рано открывшийся у меня врожденный талант бегуна. Хотя я вообще не особо верю в талант, я верю в желание добиться своей цели и в колоссальный труд ради ее достижения. В общем, еще в начальной школе я был лучшим, а в восемь лет случилось нечто. В один из воскресных дней нас привезли на школьный спортивный праздник в парк.

В программу праздника входил забег по берегу озера, в котором, по задумке организаторов, по очереди должны были стартовать четыре группы соревнующихся. В первую группу входили старшеклассники, имеющие разряд по какой-либо дисциплине, во вторую – старшеклассницы-девушки, в третью – учащиеся средних классов, а в последнюю – мы, самые младшие. Когда на старт вышла третья группа, я, воспользовавшись общей суматохой, побежал с ней и с большим запасом первым финишировал через полторы мили. После этого случая наш учитель физкультуры, старый и опытный Том Уинсли, взял меня под свою опеку, начав заниматься со мной бегом по собственной программе.

В шестнадцатилетнем возрасте я впервые в жизни ощутил вкус большой победы, быстрее всех пробежав дистанцию в одну милю на крупном молодежном легкоатлетическом турнире в Нью-Йорке. Я был опьянен личным успехом и сумасшедшим темпом жизни этого огромного мегаполиса. Я чувствовал себя астронавтом, ступившим на поверхность Марса. Когда я вернулся, наш маленький городок, который я и без того терпеть не мог, стал мне совсем отвратителен. Скажите, захотите ли вы садиться в старый разваливающийся Форд после того, как прокатились на Бентли? Вот и я не хотел.

Спустя пару дней, в воскресенье за обедом, не слыша от волнения собственного голоса, я объявил родителям, что решил посвятить свою жизнь спорту, и что через год, сразу по-

сле окончания школы, я уеду учиться в элитную нью-йоркскую школу бегунов.

– Что там по телевизору? – спросил отец у матери.

– Вы что, решили проигнорировать мое объявление? – с недоумением спросил я. Обычно я не позволяю себе такого наглого тона в общении с отцом, но в тот момент я был не в силах молчать.

Отец посмотрел на меня с недовольством – обычно этого хватало, но не сегодня. Неужели он думает, что его недовольного взгляда будет достаточно, чтобы я отказался от мечты всей моей жизни? Что ж, тут он ошибался.

– Почему ты так смотришь на меня, словно я объявил, что завтра начну принимать наркотики? Я лишь сказал, что хочу...

– Я слышал, что ты сказал. Не нужно повторять этот бред еще раз. Одного раза вполне достаточно, – отец вроде и не кричал, говорил спокойно, но это спокойствие меня и пугало. Мне казалось, что он говорил со мной, словно я слабоумный, который не понимает, что для меня лучше, а он, стало быть, главный врач, заслуживший это звание лишь своим возрастом! Я хотел высказать ему все эти мои поразительно остроумные мысли напрямую, но ведь я еще хотел жить, поэтому сказал более вежливо:

– Пап, ты говоришь со мной, словно я младенец.

– Для нас ты всегда будешь маленьким, дорогой, – ласково сказала мама, взяв меня за руку. Я был настолько зол

этим неуместным замечанием, что отдернул руку, даже не посмотрев на нее. Отец увидел это, но промолчал.

– Мне это не нравится, – сказал он, – у нас были другие планы, мы с тобой говорили об этом. Я рад твоим достижениям в спорте, правда, но твое желание связать с ним свою жизнь принято на эмоциях. Ты решил, что выиграл этот турнир – и все, теперь ты станешь бегуном. Я тоже думал, что стану футболистом, когда в детстве забивал гол. Все это ерунда, тебе пора повзрослеть.

– Хватит говорить со мной, как с младенцем, папа. Да, возможно, моя победа на этом турнире это всего лишь первый шаг маленького ребенка, который только что научился ходить, но ребенок этот, возможно, когда-нибудь станет олимпийским чемпионом, понимаешь? Я люблю бег, я хочу посвятить всю свою жизнь именно этому. Я не хочу бегать, чтобы поступить в эту школу. Я хочу поступить в эту школу, чтобы бегать. Не просто бегать, а опережать других, состязаться с серьезными соперниками, а их я смогу встретить именно в местах такого рода. Ты не понимаешь, это мой единственный шанс добиться в этой жизни настоящего успеха, бег – это то, что я люблю и умею делать лучше других. Ты как хочешь, а я все уже решил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.